

В беседах с представителями разных идеологических течений русского зарубежья не раз приходилось устанавливать, что идеология «Утверждений» часто воспринимается, как ничем не обоснованное утопическое мечтанье, лишенное всякой реальной почвы, и ей противопоставляется так называемая «активная» непримиримость к большевикам и революции, как единая почва объединения всей русской эмиграции, как наше общее дело и долг перед Родиной.

Мысль, нашедшая свое выражение на страницах журнала, что большевики в некоторых случаях неотделимы в настоящее время от России — была многими понята, как оправдание большевизма в деле разрушения национальной культуры. Оказывается, по мнению некоторых — вплоть до наших дней — смысл революции исчерпывается тем, что шайка бандитов, путем террора держащаяся у власти, в продолжении 14 лет разрушает русские национальные сокровища. И единственной правильной тактикой считается объединение на фронте непримиримости пред лицом современной России.

Сделанного в области изучения русской революции достаточно для того, чтобы понять неизмеримую глубину тех причин, в коих кроются истоки этой революции. Так-называемые-же «активисты» не только не выдвигают никакой историсофской системы, оправдывающей их домыслы; переводя все на почву борьбы, т.-е. столкновения реальных сил — они даже и в этой области не представляют собою единого целого и — в случае осуществления всех чаяний и свержения ими большевиков — раскололись бы неизбежно на свои составные элементы, на ряд борющихся друг с другом группировок, подходящих к вопросам социальной жизни с формальной, наиболее внешней стороны, и не поднимающихся до плана духовного, в котором — и только в котором — и могут быть решены эти вопросы.

За «активной» непримиримостью, как отрицательным понятием, не кроется никакого положительного содержания: неприятие того, что силою вещей создало историческую данность, в итоге является отгораживанием от национального строительства. Объединение на почве отрицания — призрачно, т. к. лишено творческого начала и питается враждой и ненавистью, а не любовью. Такая непримиримость может вдохновить на террористические акты, но не на устремление к созиданию социальной правды.

Сколь бы отдельный человек ни восставал против данного ему судьбой страдания, он — не принимая совершившегося — будет биться головой о стену, а жизнь — проходить мимо него. То же и в истории. Мы можем не приять революции, скорбеть о прошлом, вспоминать и чтить великих предстателей русской культуры, но тогда — в русское национальное строительство мы не внесем ничего. История беспощадна, она сметает все, что не становится вечно новым. Культура — не есть исключительный культ прошлого. Культурное творчество предполагает соборную устремленность к сверхвременной национальной стихии, во временном же порядке — к будущему.

Осознавая в себе действие сокровенных, невидимых сил, мы с онтологической очевидностью внутреннего опыта ощущаем все величие переживаемого Россией момента, ее мессианское призвание и те возможности, какие раскрываются пред нами. Мы можем остановиться на точке замерзания, — на типично-эмигрантских формах непримиримости, скорбеть, чего-то ждать, на что-то надеяться. Тогда мы умрем вместе с невозвратимым прошлым. Но тогда — Россия, уже воскресающая — воскреснет не в нас, а в тех, что будут более чутки к Ее зову.

Для утвержденных — разных течений и толков, нет иного пути, как прислушиваться к этому зову и познавать сущность России в прошлом и настоящем, чтобы правильнее почувствовать ее порыв в будущее. Мятежная душа России ищет своего выявления. Период ученичества, ассимиляции, а ватем — отрицания, отказа от того, что по существу нашей родине чуждо, — несомненно окончен. Мы — свидетели русской

Голгофы — можем стать соучастниками воскресения страны. Даже сейчас, в формах грубого материализма и безбожия, Россия стоит под знаком служения всему человечеству, защиты угнетенных, идеи водворения на земле социальной правды. Нужно как-то помочь этому процессу, его национальному углублению и идеологическому прояснению. Ставим на путь русского национального самопознания — в формах ли научного изучения или чисто художественного восприятия — открылось столь многое, что никакого сомнения не может быть относительно великого будущего нашей отчизны. Об этом надо думать, писать, говорить. Мессианское призвание России — в духовном плане, в выявлении новой христологической тайны миру. Это — раскрытие в мировом процессе и социальной жизни «русского, белого, воскресшего Христа», по слову Достоевского.

Грядущее, русское христианство — христианство сердца, а не разума. Православие только теперь начинает раскрываться во всей своей глубине сердцу русских людей. Только теперь вникаем мы в слова Достоевского «русский человек не может не быть православным», — слова, понимаемые прежде в узкоконфессиональном смысле. Православие — свобода, в этом его сущность и коренное отличие от католичества. Свободу даст Россия миру, если будет на высоте своего задания.

Стремление к социальной правде, к государственности на почве любви и братства, не ненависти или подчинения одних народов другим, а гармонического сотрудничества — характеризует целый ряд пореволюционных идеологических течений. Уловивших ритм истории — не единицы, а уже много десятков людей, исповедующих мессианские пути России. А сколько тысяч и десятков тысяч исповедуют его бессознательно, в том или ином его искажении! Не залог ли это наступающего просветления?

Нам не прозит опасность национальной гордыни, сковывающей всякое творчество, — слишком уж четки контуры **жертвенности** во всех разновидностях российских мессианских чаяний. Однако, как может быть велика эта опасность мы видим на примере мессианизма польского. Великие романтики — Цешковский, Красинский и другие — раскрыли сущность призвания поль-

ского народа и воспели его правду, создав образцы неподражаемой поэзии. Но дух провидения, как и пророчества — столь близкий русской душе, как дар Духа Святого, — по существу чужд душе польской. И великие провидцы оказались в одиночестве. Истина осталась истиной в потенции и прекрасной сказкой в действительности. Историческое задание осталось невыполненным; в сознании народа уцелела лишь идея его исключительности и превосходства над другими народами, — форма допустимая лишь как переходный момент к жертвенности и служению на благо всему человечеству.

Нас называют мечтателями и утопистами и призывают стать реалистами и бороться со злом физической силой. На это можно ответить, что мистики и идеалисты — наиболее практичные люди, так как, исходя из понимания истинной природы вещей, знают истинную их ценность. Мессианисты верят в господство духовного начала в жизни; свет не борется с тьмой силой и внешними средствами, свет **рассеивает** тьму. Все живет постольку, поскольку за ним стоит **идея**, в этом вечная правда Гегеля. Коммунизм победил в России, так как за ним стояла идея, идеи же лишен сейчас капитализм. И коммунизм будет внутренне изжит и преодолен той идеей, в которой, как в высшем Синтезе, будут сняты противоречия русской души.

Пути реализации этого Синтеза ныне пытаются осознать пореволюционные течения российской мысли—и на Родине, и за рубежом. Ибо действительно вложиться в процесс можно только осмыслив его, поняв его истоки и запредельные цели. Только при таких условиях подлинная внутренняя непримиренность со злом коммунистического материализма может действительно переклеститься в творческую активность — столь отличную от эмигрантского эмоционального «активизма» и лубочной непримиримости.

София Бохан.